

**Абстрактная семантическая структура слова
и ее значение для двуязычной лексикографии**
Пальмира Легурска

The Abstract Semantic Structure of the Word in the Bilingual Lexicography
Palmira Legurska

The first part of the report deals with the equivalency of lexical units in the left and in the right part of the bilingual dictionary, using material from the Bulgarian and Russian languages. When conceiving a dictionary of a given type, it is useful to distinguish *semantic* and *functional* equivalents. In the ideal case it is the type of dictionary that determines what kind of equivalent to be used: the passive type of dictionary is used when decoding speech (here semantic equivalents are mostly present). When generating speech, the active type of dictionary is used (here predominant are the functional equivalents). All existing Russian-Bulgarian and Bulgarian-Russian Dictionaries are of a mixed type.

The second part of the report proposes the usage of field structures in the preparatory work of any bilingual dictionary. These structures are a condition for a full and complete presentation of the meanings of the word. Such a structure is the *abstract semantic structure* of the word from a given thematic group. It is a matrix in which words from the left and the right part of the dictionary are being compared.

В своих работах акад. Л. В. Щерба обосновывает необходимость создания четырех видов словарей для каждой пары языков: для пассивного и активного владения соответствующим языком, с точки зрения носителя каждого языка (см. Гак 1995, с. 53). Так, применительно к русскому и болгарскому языкам, нужны русско-болгарский и болгарско-русский словарь для болгарского читателя, и соответствующие словари для русского читателя. Русско-болгарский словарь является пассивным для болгарского читателя, когда раскрывает значения слов, и активным для русского читателя, когда предлагает переводные (функциональные) эквиваленты соответствующих русских слов: предполагается, что носитель болгарского языка при переводе с русского на болгарский сам будет выбирать соответствия сообразно со своей языковой компетенцией. То же самое действительно и в отношении болгарско-русского словаря. Словарь пассивного типа раскрывает семантическую структуру болгарских слов и транслирует ее средствами русского языка, в то время как активный русско-болгарский словарь предлагает соответствующие эквиваленты, необходимые при генерировании текста на русском языке.

В этой связи встает основной вопрос двуязычного словаря — вопрос об эквивалентности лексических единиц левой и правой части словаря. Согласно И.В. Арнольд, эквивалентность языковых единиц как лингвистическое понятие означает их функциональную равнозначность (Арнольд 1976, с.12). С точки зрения двуязычного словаря целесообразно выделить два типа эквивалентов: семантических и переводных (функциональных). Семантически эквивалентны такие лексические единицы, толкования которых совпадают. Переводными же эквивалентами являются лексические единицы, выполняющие тождественные функции в тождественных контекстах. Например, русское слово медведь и

болгарское мечка выступают семантическими эквивалентами в значениях 'большое хищное животное с неуклюжей походкой' и 'неуклюжий человек', а в отношении значения 'неуклюжий человек' русские слова колода, мешок, слон, бегемот, боров, корова, медведь, слон, тюлень, хомяк и болгарские мечка и слон являются переводными (функциональными) эквивалентами.

В практике составления словарей известны два типа переводных эквивалентов. Переводя лексические единицы, лексикограф предлагает либо объяснительный перевод (напр. жук 2 по РБР 1 переводится как 'хитрый, плутоватый человек'), либо функциональный перевод (напр. возможные функциональные эквиваленты значения 'неуклюжий человек', см. выше). Тот или иной подход зависит от целей применения словаря — предназначен ли он для понимания готового текста, или для порождения текста на иностранном языке. Таким образом, выбор переводного эквивалента определяется направленностью словаря на декодирование текста (пассивный словарь) или на порождение текста (активный словарь).

Рассмотрим русское слово балаболка по Русско-болгарскому словарю под ред. С.Влахова (РБР 1, 1986). В качестве соответствий даны болгарские слова 1. Дрънкулка (переводной эквивалент) и 2. Бъбривец, дърдорко, бъбрица (переводные эквиваленты). Болгарский перевод передает соответствующие значения по СРЯ (СРЯ 1981): 1. 'Украшение в виде висячей кисточки; подвеска, висюлька', напр. балаболка портьер (значение слова в русском языке не соответствует значению болгарского слова дрънкулка; скорее переводным эквивалентом следует считать болгарское слово финтифлюшка) и 2. 'Болтун'. Выходит, что с точки зрения понимания русского слова первое значение по толковому словарю передано приблизительным (неточным) переводом, следовательно отсутствует семантическая эквивалентность русского и болгарского слова по этому значению; с точки зрения создания переводного текста на болгарском языке эквивалент дрънкулка в определенных случаях можно считать приемлемым. Значение 'болтливый человек' в словаре передается при помощи объяснительных переводных эквивалентов. Функциональные эквиваленты, выраженные названиями артефактов, не представлены, напр. русским трещотка, сорока, пила, балаболка могли бы соответствовать болгарские сврака, дрънкало, кречетало, мелница.

Подобное явление наблюдается и в РБР1, 1986, при переводе некоторых слов, обозначающих названия сосудов, напр. бокал — винена чаша; кружка — канче, чаша (цилиндрична, с дръжка), кана; рюмка — чаша (за вино, ракия), столче; стакан — (водна) чаша; стопка — чашка (за вино, ракия); р. чаша — б. чаша (обикновено металическа за вино); фужер — висока чаша (за вино). Во всех случаях русские названия переведены объяснительно и семантической эквивалентности не наблюдается, как это было бы в словаре пассивного типа. В то же время не предлагаются и функциональные эквиваленты, как это делается в словарях активного типа.

Создается впечатление, что русско-болгарский словарь как бы ищет какой-то промежуточной эквивалентности, не исчерпывая ни семантическую

(этим обделен болгарин, не являющийся носителем русского языка), ни функциональную (от чего страдает русский, не владеющий болгарским). Вероятно, основная причина подобных явлений заключена в несовпадении лексико-семантических систем этих двух языков. Это несовпадение - следствие разной ментальности (понимаемой как познание), фактами которой являются разные полевые структуры языков, проявляющиеся на лексическом уровне: клетки каждого отдельного поля в разных языках почти никогда не совпадают, несмотря на степень их близости (а русский и болгарский — именно близкородственные языки).

Для того, чтобы избежать неточностей в словаре — толковом или двуязычном, - в русской лексикографии 80-ых годов предложена идея переориентировать словарную деятельность: вместо работы с алфавитными списками слов использовать определенные лексические группы в рамках разных частей речи (Шведова, 1981, с. 171). Продуктами подобного подхода явились “Русский семантический словарь” Н. Ю. Шведовой (Шведова 1999) и “Семантический речник-минимум” и “Универсален енциклопедичен речник” И. Касабова (Касабов 1990, Касабов 1999). Применение полевых структур разного типа в лексикографической деятельности дает следующие возможности:

- Эксплицитно отграничивать отдельные значения слова;
- Толковать однотипно лексические единицы;
- Представлять фразеологизмы и иллюстративные примеры непротиворечиво;
- Отражать единообразно стилистическую характеристику слова;
- Разграничивать семантическую и функциональную эквивалентность в двуязычном словаре.

Или, говоря словами Шведовой, из квалифицированно составленной коллекции слов, за которой стоит лексикограф со своим индивидуальным языковым сознанием и пониманием отдельного слова, словарь превратится в научный продукт, опирающийся на специально разработанные для него эталоны описания слов, объединенные семантически и формально. Эта задача актуальна как для практики толковых, так и для двуязычных словарей, поскольку те в значительной степени руководствуются данными толковых одноязычных словарей.

В этом докладе мы представим эталон семантической структуры слова, адекватную модель ее полисемии. По своей природе полисемия является когнитивной схемой, базой знаний, одинаково независимой от любого из сопоставляемых языков; это своего рода третья система, посредством которой можно представить семантическую структуру каждого слова в соответствующем языке.

Для создания подобного эталона нужно всю совокупность лексики, представленной подмножествами предметных и признаковых имен, разбить на лексико-тематические группы (ЛТГ) и выработать отдельную схему-эталон для каждой ЛТГ. Лексикографические достоинства подобного эталона можно искать в нескольких направлениях. Во-первых, он гарантирует исчерпывающее

представление всех значений слова. Во-вторых, ведущей эквивалентностью в двуязычном словаре выступает семантическая эквивалентность, базирующаяся на одинаковых толкованиях слов в сопоставляемых языках. В-третьих, переводная эквивалентность основывается на семантической эквивалентности и поиск эквивалентов в двух языках ведется в пределах подсистем отдельных ЛТГ групп как элементов целого.

АБСТРАКТНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА-ЧЛЕНА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Абстрактная семантическая структура слова (АСС) - члена данной лексико-семантической группы выступает адекватной моделью возможностей полисемии каждого отдельного слова. С другой стороны, она позволяет осуществлять связи между отдельными значениями, выраженными через другие лексические единицы из других ЛТГ. Теоретическая значимость подобной модели заключается в возможности *предсказать* семантические свойства данного слова из определенной ЛТГ. Если допустить, что семантическая структура данного слова определяется его принадлежностью к определенной ЛТГ, то возможно по одному из значений (первичного) определить прочие значения (вторичные). Иными словами, парадигматические свойства слова имеют экстралингвистическую определенность.

В лингвистической литературе подобная модель применительно к имени существительному в английском языке предложена И. В. Арнольд. Автор предлагает определять семантические свойства имени в зависимости от его принадлежности к данному лексико-грамматическому разряду. Т.е. если известно одно из значений слова и его принадлежность к данному лексико-грамматическому разряду существительных, возможно с большой вероятностью предсказать прочие значения слова. Модель, предлагаемая в этом докладе, это АСС *предметного имени*, в частности зависимость вторичных значений слова от первичного и от его принадлежности к определенной лексико-тематической группе в русском и болгарском языках. Подобные модели можно применить и по отношению к разным типам *признаковых (предикатных) имен*.

С другой стороны, между строением многозначного слова и строением ЛТГ имен как лексического класса существует глубинное сходство, которое можно эксплицировать посредством АСС. Таким образом, в многозначном слове как в микромире отражаются основные свойства лексического класса-макромира, ибо как слово, так и лексический класс составлены из значимых единиц одинаковой природы: слово существует как иерархически организованная совокупность отдельных значений, лексический класс — как многостепенная совокупность множеств, объединяющих такие значения (Шведова 1999, с. 6)

Конструирование АСС основывается на двух посылах. Первая, это *регулярный характер* полисемии, т.е. тип вторичных значений слова определяется его первичным значением и его общей семантической характеристикой как члена данной ЛТГ. Вторая - это открытость лексико-тематических групп как лексических систем: к ним могут присоединяться все новые наименования,

отвечающие семантическим требованиям группы. АСС выступает моделью семантической структуры каждого слова исследуемой тематической группы. В ней представлены все реальные и потенциальные типы значения слова. Создание АСС осуществляется после предварительного анализа лексических значений по существующим толковым словарям и составления типологии. Отдельные значения распределяются по возможным для предметных имен типам: 1. Первичное значение (предметное имя); Вторичные значения: образная метафора (признаковое имя), номинативная метафора (предметное имя), метонимия (предметное имя). Таким образом в АСС пересчитываются под соответствующим номером все значения слова данной ЛТГ, описанные посредством метаязыка. Отдельные клетки АСС пополняются в зависимости от реального существования значения в речи. Редко когда слова обладают полной семантической парадигмой. Чаще всего заполняются лишь отдельные клетки модели, другие остаются пустыми. Заполненные клетки показательны в отношении наиболее типичных для данной ЛТГ способов полисемии. Незаполненные клетки рассматриваются как потенциальная возможность развития подобного значения. Порядок отдельных вторичных значений в семантической структуре слова соответствует их типичности для данной тематической группы. Таким образом АСС иллюстрирует системный характер лексики (в данном случае — предметной) и системный характер многозначного слова в частности. С семиологической точки зрения АСС отражает специфическое распределение значений многозначных слов, с ономастиологической — показывает разное сегментирование языковой действительности в определенном лексическом участке, соответствующем данной ЛТГ.

Проиллюстрируем эти рассуждения на материале предметных слов в русском и болгарском языках. Сопоставим члены лексической пары курица — кокошка на базе АСС в ЛТГ “животные”.

1. “животное данного вида” (основа для установления семантической эквивалентности русского и болгарского слова);

2. Образная метафора: “человек, охарактеризованный по определенному свойству, приписываемому данному животному”;

3. Номинативная метафора: “часть предмета/предмет, подобный данному животному по внешнему признаку или по функциям;

4. Метонимия:

4.1. “шкура животного”;

4.2. “мясо животного”.

Русское и болгарское слова совпадают в значениях “самка петуха, разводимая человеком для получения яиц и мяса” (первичное), “глупая женщина” (образно-метафорическое) и “мясо курицы” (метонимическое). Остальные типы полисемии не развиты и соответствующие клетки АСС остаются пустыми. Русское слово курица и болгарское кокошка выступают семантическими эквивалентами по соответствующим значениям, выраженным в толкованиях, и такими же их следовало бы представить в двуязычном словаре пассивного типа.

По АСС можно осуществить переход от определенного значения к его возможным лексическим проявлениям в других ЛТГ. Так, если взять значение “глупый человек” (мужчина или женщина), то возможными лексическими коррелятами в русском явились бы болван, балда, бревно, дубина, чурбан, колпак, дуб, лопух, столб, колода, баран, гусыня, индюк, курица, мул, теленок, тетеря; в болгарском языке: дръвник, пън, овен, вол, гъсок, гъска, шаран, кокошка, муле, овца, патица/патка, дърво, тиквеник. В русско-болгарском и болгарско-русском словаре активного типа им следовало бы уделить место.

Сопоставим члены лексической пары груша — круша по АСС для ЛТГ растений:

1. “вид растения” (основа установления семантической эквивалентности русского и болгарского слов)

2. Метонимии:

2.1. “плод растения”

2.2. “блюдо из данного растения”

2.3. “растение или его часть как приправа”

2.4. “промышленный продукт из данного растения”

2.5. “корм для животных из данного растения”

2.6. “участок земли под это растение”

3. Образная метафора: “человек/предмет, характеризующийся по свойству, приписываемому данному растению”

4. Номинативная метафора: “часть предмета/предмет, по внешнему или функциональному свойству подобный этому растению”

В своем первичном значении “дерево с конусообразными съедобными плодами”, в метонимическом “плод грушевого дерева”, в номинативно-метафорическом “искусственный предмет грушеобразной формы” (резиновая груша — гумена круша), слова груша — круша выступают семантическими эквивалентами. Остальные значения остаются нереализованными в этих лексических единицах.

Приведенные иллюстративные примеры показывают зависимость типов вторичных значений от первичного в каждом из сопоставляемых языков (слова представляют собой семантические эквиваленты). Так, для ЛТГ названий животных в обоих языках — русском и болгарском — наиболее типичным вторичным значением оказывается образно-метафорическое и соответствующие метонимии. Для ЛТГ растений самыми типичными являются метонимии. В обоих русско-болгарских словарях (РБР1 и РБР2) эти значения не отмечены. То же самое действительно и в отношении единственного болгарско-русского словаря (БРР).

Если бы составление словаря предшествовалось составлением компьютерной базы данных, в которой отдельные слова русского и болгарского языков сопоставлялись по АСС, то это обеспечило бы полное и однотипное описание всех значений слов в обоих языках.

С другой стороны, по АСС возможен переход от определенного значения к его возможным лексическим коррелятам, как мы это продемонстрировали на

примере значения “глупый человек”. Это один из способов нахождения функциональных эквивалентов данного значения, как в рамках отдельного языка (синонимы), так и при сопоставлении двух языков (функциональные эквиваленты данного значения). В заключении к сказанному можно сформулировать отдельные шаги сопоставительного анализа лексики любой пары языков как этапа, предшествующего работе по двуязычному словарю:

1. Выделение ЛТГ каждого отдельного языка и межъязыковое сопоставление их структуры;
2. Определение АСС каждой из них;
3. Исследование семантической структуры слов в каждом языке и сопоставление слов по АСС;
4. Изучение отношений внутри данного поля (синонимия) и взаимоотношений между полями (связанными с полисемией) по АСС.

Таким образом становится возможным эксплицирование семасиологических и ономазиологических связей слов как в одном языке, так и при сопоставлении двух и более языков.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд 1976 И. В. Арнольд. Эквивалентность как лингвистическое понятие. В: Иностранные языки в школе, 1976, № 1.

Гак 1995: В. Г. Гак. Двуязычный словарь активного типа. В: Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. Москва, РАН, Институт русского языка, 1995, с. 53 - 62.

Касабов 1990: И. Касабов. Семантичен речник - минимум. София, 1990.

Касабов 1999: И. Касабов, Кр. Симеонов. Универсален енциклопедичен речник. т. I А - Л, София, 1999.

Словари:

БРР: С.Б. Бернштейн. Българско - руски речник. Изд. 2, стер., 1975.

РБР 1: Руско-български речник (под ред. на С. Влахов и Г. А. Тагамлицка), т.1 и 2. София, 1986, 2 изд.

РБР 2: Руско - български речник (съст. С. Чукалов), М., 1969, изд. 3, стер.

СРЯ: Словарь русского языка, 1 - 4, М., 1981, изд. 2, испр. и доп.

Шведова 1981: Н.Ю. Шведова. Однотомный толковый словарь: специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы. В: Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Москва, 1981.

Шведова 1999: Н. Ю. Шведова. Теоретические результаты, полученные в работе над “Русским семантическим словарем”, В: Вопросы языкознания, 1999, № 1, 3-16.

Публикувано: Acta Universitatis Nicolai Copernici, Studia Slavica 5 – Nauki humanistyczno-społeczne – zeszyt 343 – 2000, 25-32; Чуждоезиково обучение, 2000, 4-5.